

ЭДУАРД АНАШКИН

“Я ХОТЕЛ БЫ КРИЧАТЬ О ЛЮБВИ, ТОЛЬКО КРИКА ОБ ЭТОМ НЕ НАДО...”

В начале февраля известному самарскому поэту Борису Сиротину исполняется 85 лет.

Знакомство наше с Борисом Зиновьевичем Сиротиным идет из советской эпохи. Далеко не все из нынешних самарцев, особенно молодые люди, знают, что сегодня пребывающее в запустении здание самарского Дома печати, что возле междугородного автовокзала, когда-то бурлило и кипело жизнью. Там рождались новые идеи, новые газеты, новые литературные имена, завязывались новые знакомства... Там среди множества прочих литературных и журналистских организаций помещалась редакция газеты “Волжская коммуна” – самой популярной газеты тогдашнего Куйбышева. Вот там, в кабинете заведующего отделом культуры этой газеты, заслуженного работника культуры России Евгения Николаевича Жоголева, и состоялось наше знакомство с Борисом Сиротиным. В этом отделе, помнится, еще располагались двое сотрудников – прозаик Андрей Гулин, автор повести “Лидка Чапаенок”, и куйбышевский детский поэт Юрий Денисов.

Как-то само собой наше знакомство впоследствии переросло в дружбу. Приезжая в Куйбышев, я гостевал у Бориса, в те времена он жил еще на улице Ленина. А он порой навещал меня в селе Майское. За эти долгие годы я познакомился со всеми дочерьми Сиротина, а их у него трое. Был знаком с его замечательной, к сожалению, ныне покойной женой Ольгой.

*Оля, видишь, как рано темнеет,
Как туман повисает вокруг?
Даже бодрое сердце немеет,
Издает еле слышимый стук.*

*У меня ощущение такое,
Что всю жизнь этой тьмою влеком,
Хоть избáлован Волгой-рекою
И доверчивым теплым песком.*

*Я люблю летний полдень палящий,
Но вот даже у Волги спроси, —
Скажет, сумерки непроходящи,
Постоянны они на Руси.*

*Возмужали мы в сумерках этих,
Возмужали и дети давно,
Но росли они, их не заметив,
Это зрение редким дано.*

*Слава Богу, что так, а не этак,
Слепота тоже дар непростой...
Оля, слышишь шушание веток? —
Тьма пришла на великий постой.*

Жители Самарской области наверняка благодарны Борису Сиротину не только за его многолетний плодотворный литературный труд, но и за те литературно-музыкальные вечера, что устраивала православная творческая группа “Благовест” по всей Самарской области. Борис Зиновьевич был “коренником” этой православной творческой группы — читал свои стихи, а его дочь, блистательная вокалистка Людмила Жоголева, солистка Самарской филармонии, исполняла песни и романсы на стихи отца, положенные на музыку самарским композитором Шевердиным.

*В старом ветхом клубе сахарного завода
Дочь моя пела о святом Серафиме,
И ложилась на скучные лица сияющая забота,
И губы шептали полузабытое Имя.*

*И еще слово “батюшка” вслед за дочерью повторяли
Серые губы — и зал озарялся сияньем,
И сиял аккомпаниатор Слава за разбитым роялем,
И сияла дочь моя в белом своем одеяны.*

*Батюшка Серафим так долго молился на камне,
Что образовались две впадины от его коленей...
А я думал о том, что скоро мы канем
В бурлящей воронке подрастающих поколений.*

*И не то что на камне, даже на мягком воске
Не оставим следов (иль не солонь слезы наши?),
Может, останутся от имен какие-то отголоски,
Но слезы прольются мимо вселенской чаши...*

*Завод был старым и простаивал, люди эти,
Что собрались в зале, остались без прочной опеки.
Батюшка Серафим, батюшка Серафим, на том свете
Молись перед Богом за нас — зане человеки!*

*Ведь дочь моя, дочь Твоя, русская дщерь Людмила
Поет о тебе с надеждой и покаяньем,
И ветхому залу слово “батюшка” мило,
И он ведь не зря как бы весь озарен сияньем.*

Это стихотворение о дочери такое личное и такое не личное, ведь в этом обращении поэта к дочери голос не просто любящего заботливого отца, но голос поэта и гражданина, живущего в эпоху слома устоев страны. В эпоху, когда старое уже порушено, а новое еще не наступило. А выжить в то время крушения советских устоев без веры было просто невозможно!

*Моя старшая дочка за Пушкина молится.
Удивился, а дочка ответила мне:
Ей сказала старушка одна, богомолица,
Что давно уже Пушкина видит во сне,
Он стоит-де, накрыт белоснежной накидкой,
И Решения Высшего ждет о себе,*

*И какой ему, бедному, кажется пыткой
Так вот ждать и не знать о дальнейшей судьбе.
То ли рай, то ли ад... Ведь почти два столетия
Он в Преддверии ждет, замолчавший поэт...
Но у Бога в руках вес земные соцветия,
Для него между ними различия нет.
Да и время иное там, в безднах Всевышнего...
Слушал я и не верил.
Но чувствовал дрожь,
Что смывала с души все наносное, лишнее,
И как будто в Дверях сам Решения ждешь...
Ну а в храме вдруг горние выси открылись:
Вижу — мраморной лестнице нету конца,
И поёт, и парит моя дочка на клиросе,
Подпеваю — и вместе мы молим Отца,
Молим Сына Иисуса, предвечного Логоса,
Пощадить нашу русскую гордость и честь...
В храме слушал я дочь и умом чуть не трогался
Пред иконами, с голой душою, как есть.*

Не рискну назвать Бориса Сиротина гражданским поэтом. Но тем не менее в течение не одного десятилетия он прочно входит в обиход авторов лучшего литературного журнала России — “Наш современник”. Видимо, и редакция понимает, что в таких личных вроде бы строчках стихотворений Сиротина пульсирует судьба и боль страны... И именно она, судьба, подарила Борису Зиновьевичу творческое содружество со знаменитым литературным критиком и историком Вадимом Валериановичем Кожиновым, который для русских писателей был и остался после своей смерти идеологом возрождения национального мышления.

Феномен Сиротина в том, что он вроде бы никогда не был пламенным “трибуном”, но всегда находился в русском поле литературы, живя непростой, но в общем-то почти обычной для русского поэта, жизнью — метаний, исканий, хождений за истиной, перемежаемых поиском самого себя, истинного, задуманного Свыше...

Исповедальность стихов Бориса Сиротина всегда была одной из самых ярких граней его творчества. Исповедальность и то русское смирение пред судьбой, которое никогда тем не менее не мешало русскому человеку обжить огромные пространства. Не потому ли боль у нас часто является естественным проявлением того, что человек жив, и что небо помнит о нем.

*Ни голоса, ни отголоска,
Неслышно спадает с ветвей
Лист дуба — церковного воска,
И клена — отборных кровей.*

*Дожди отошли, Подмосковье
В бессильной осенней красе,
Когда пошатнулось здоровье,
Но силы иссякли не все.*

*И я в этом тихом паденьи
Листа очень тихо иду,
И осень мне — как откровенье,
И с нею я в полном ладу.*

*Писать про своё нездоровье
Не стоит — к чему здесь надрыв,
Но к русской природе любовью
Я болен — и, стало быть, жив.*

Я знаю Бориса Сиротина, как одного из самых православных писателей земли русской. В лучших стихотворениях его духовной лирики все приметы покаянности и отсутствия гордыни, чего часто очень не хватает в стихах других авторов. Ведь подозрителен тот автор, что кричит о своей вере. О вере, как и о любви, надо говорить шепотом:

*Снизошел благодатный огонь —
Значит, наша история длится.
Протяни, коль не страшно, ладонь —
Лишь пронзится, не испепелится.*

*Я увижу все жилки твои,
Как у листьев осеннего клена,
И сказать захочу о любви
Торжествующе и опаленно.*

*Но, наверно, опять промолчу,
Ибо этот огонь так далече.
Лишь откроюсь Господню лучу —
Он ведь тоже пронзает и лечит.*

*Божий луч пробежит по крови,
От греха очищая и смрада
Я хотел бы кричать о любви.
Только крика об этом — не надо.*

Православная лирика Бориса Сиротина уникальна своей мелодичной открытостью миру. О Святых Отцах, о великих подвижниках Православия поэт пишет как о самых близких и родных людях, словно творит молитву за них своими певучими строками.

*Иконы Рублева написаны дымом —
Печным и лучинным, привычным, родимым.
И так этот дым ему выел глаза,
Что он заглянул за привычное, за...*

*Он с кистью стоял над зияющей бездной —
И дым снизошел к нему тонкий, небесный,
Два дыма смешал он и кистью нанес —
И вот на левкасе явился Христос.*

*Не царственный муж, самый обыкновенный
Явился из тонкого дыма Вселенной,
Но только для этого необходим
Был горький и сладкий Отчества дым.*

Поэзия Бориса Сиротина — утешение для души усталого русского человека. Несуетна и ненавязчива, она хранит небесный покой и простор. Она вся проникнута надеждой, что все в этой жизни происходит не зря, а во имя единения души человеческой с миром и Богом. И эта надежда настолько переходит в уверенность, что впору назвать эти стихи молитвенными и напутственными, данными в утешение читателям на опасных перекрестках эпохи.